

В холодных глазах мужчины наконец появилась улыбка. Он прищурился, мягко поглаживая обнажённую мочку уха Чжоу Чэньи, приблизился к его уху и прошептал что-то.

Услышав это, Чжоу Чэньи широко распахнул глаза, на лице читалось неверие, а во взгляде добавился страх, но это длилось лишь мгновение. Затем он расхохотался, и этот смех долго эхом разносился по огромному особняку.

Эта ночь была необычайно короткой, пролетела мгновенно...

На следующий день, в час дракона, в Золотом дворце начался утренний приём.

Атмосфера в тронном зале была особенно гнетущей. Все гражданские и военные чины опустили головы, боясь пошевелиться. Лишь император Чжоу, восседающий на высоком троне, был полон гнева.

— Какое-то ничтожное вассальное государство осмелилось бросить вызов моему величайшему царству Чжоу, а вы лишь советуете мне ценить мир и вести переговоры?! Зачем я кормлю вас, кучку бездельников?!

Услышав это, чиновники поспешно опустились на колени, всё ещё не смея поднять голос. В зале повисла мёртвая тишина.

Чжоу Чэньи, стоявший в стороне, увидев это, напрямик прошёл в центр зала, опустился на колени и, сложив руки, громко произнёс:

— Отец-император! Сын желает возглавить войска и отправиться в вассальные земли, атаковать царство Аньфань. В этой битве я клянусь военным приказом, что заставлю это маленькое государство заплатить! Не одержав победу, не вернусь ко двору!

Император Чжоу с удовлетворением смотрел на стоящего внизу Чжоу Чэньи, чья осанка оставалась прямой. Гнев сменился смехом, он встал и произнёс:

— Хорошо! Хорошо! Вот это мой сын! Я поручаю тебе сто тысяч войск, они в твоём распоряжении. Завтра выступаем в поход на Аньфань!

Чжоу Чэньи:

— Да! Сын принимает указ!

Под пронзительный возглас евнуха Ли «Приём окончен!» император Чжоу, довольный, удалился, заложив руки за спину.

Шаньюнь Чэнь, только что вышедший из зала, был охвачен смутным беспокойством и с максимальной скоростью вернулся в княжескую резиденцию.

Только войдя в кабинет, он тут же вызвал Ань Эра.

— Сегодня Чжоу Чэньи вёл себя неестественно, должно быть, у него был заранее продуманный план. Проведи тайное расследование, узнай, с кем он встречался в последнее время!

Ань Эр принял приказ и вышел, оставив в комнате лишь Гу Ицзюэ и Шаньюнь Чэня.

Гу Ицзюэ никогда не видел Шаньюнь Чэня в таком состоянии, он стал спрашивать:

— Чэнь-гэгэ, что вообще случилось?

Шаньюнь Чэнь не мог вынести вида беспокойства любимого человека, тут же разгладил брови, оставив лишь нежную улыбку, и поманил его рукой. Как только Гу Ицзюэ подошёл, он притянул его к себе в объятия и мягко ответил:

— Ничего, просто сегодня Чжоу Чэньи вёл себя странно на приёме. У всего есть причина, лучше проявить осторожность, хотя, возможно, я просто перестраховываюсь.

Гу Ицзюэ обнял его за шею, наклонил голову и с улыбкой сказал:

— Чэнь-гэгэ, не печалься. Расскажи мне подробнее о сегодняшнем приёме, позволь мне разделить с тобой твои заботы.

Сердце Шаньюнь Чэня, подстрекаемое капризным тоном Гу Ицзюэ, уже бешено колотилось, и сейчас о тревогах не могло быть и речи. Он улыбнулся, взял Гу Ицзюэ на руки и понёс к кровати...

На следующий день сто тысяч войска уже были подготовлены.

Чжоу Чэньи был в доспехах, а красный плащ, подобный боевому знамени, делал его ещё более величественным и статным.

Он махнул рукой:

— Выступаем!

Под проводы горожан армия мощным потоком вышла из столицы Чжоу.

В это же время в особняке канцлера.

Канцлер Чэнь бережно гладил гроб Чэнь Иньюэ. В эти дни он постоянно был здесь, разговаривая с дочерью.

— Иньюэ, шестой принц попался в ловушку. Отец обязательно отомстит за тебя и смоем позор!

Глаза канцлера Чэня уже были полны слёз, лицо исказилось от боли, он рыдал, глядя табличку с именем дочери.

...

Прошло уже три месяца с тех пор, как Чжоу Чэньи выступил в поход против царства Аньфань, и наступила зима.

В канун Нового года, когда начало смеркаться, повсюду в столице Чжоу раздались всплески фейерверков.

В особняке маркиза Динбэя семья уже приготовила праздничный ужин. Лю-эр принёс последнее блюдо, поставил пельмени на стол, и в это время у ворот появились гости.

— Отец, мать! — ещё из кареты Гу Ицзюэ откинул шторку и радостно закричал. Прибыв в особняк, Шаньюнь Чэнь, держа Гу Ицзюэ за руку, помог ему сойти с кареты.

Встречавшие у ворот Гу Циншань и Е Ланьсинь с любовью смотрели на младшего сына.

Е Ланьсинь нежно погладила Гу Ицзюэ по лицу:

— Вернулся. Вижу, князь тебя хорошо откормил, стал беленьким и румяным.

Гу Ицзюэ слегка покраснел, затем встал за спиной Е Ланьсинь, мило обнял её за плечи и, надув губки, начал капризничать:

— Мама, Чэнь-гэгэ теперь заставляет меня только сидеть да лежать, ничего не делать. Мне кажется, мои руки и ноги скоро совсем отвыкнут меня слушаться...

Е Ланьсинь, услышав это, щёлкнула ему по носу и с улыбкой сказала:

— Это же потому, что князь тебя жалеет! А ты пришёл жаловаться маме!

Гу Ицзюэ с удивлением воскликнул:

— Мама, теперь даже ты подкуплена? Почему ты тоже за него говоришь?

Е Ланьсинь улыбнулась и покачала головой, посмотрев на Шаньюнь Чэня:

— Ах ты, посмотри, как он тебя избаловал.

Шаньюнь Чэнь стоял рядом с Гу Циншанем, с любовью глядя на Гу Ицзюэ, и ответил:

— Мама, такой характер и подобает Ицзюэ.

Гу Циншань обнял Шаньюнь Чэня за плечи:

— Ну всё, хватит стоять у входа, скорее заходите, есть новогодний ужин! Я уже проголодался!

Вся семья, смеясь, вошла в главный зал.

После ужина Гу Ицзюэ взял Шаньюнь Чэня за руку и повёл его во двор. Они сели, держа по кувшину вина.

Почувствовав холодный ветер, Шаньюнь Чэнь поставил кувшин на каменный стол и отвернулся.

Гу Ицзюэ посмотрел на него. Спустя мгновение Шаньюнь Чэнь вернулся с лисьей меховой накидкой, подошёл сзади к Гу Ицзюэ и набросил её на него.

— Ицзюэ, может, пойдём в комнату? Не простудись, — он наклонился и взял его на руки.

Гу Ицзюэ одной рукой обнял его за шею, другой держал кувшин. Лицо его, ещё трезвое, порозовело от холодного ветра, губы слегка приоткрылись, уже выдавая опьянение.

— Чэнь-гэгэ, продолжим пить! — Гу Ицзюэ высоко поднял кувшин.

— Хорошо, пей, — Шаньюнь Чэнь мягко отвечал на ходу.

— М-м-м... пить, — его голос стал тише, голова опустилась на грудь Шаньюнь Чэня.

Он занёс его в комнату, положил на лежанку и позвал слуг.

— Принесите таз с водой.

— Слушаюсь.

Шаньюнь Чэнь присел рядом с лежанкой и нежно вытирал ему лицо. Он собирался продолжить, когда Гу Ицзюэ сел.

— Чэнь-гэгэ... — он смотрел на Шаньюнь Чэня сияющими глазами.

— Мм? — Шаньюнь Чэнь держал полотенце и с любовью смотрел на него.

— Я люб... блюэ!

И тут... Шаньюнь Чэнь с изумлением, но беспомощно смотрел на этого маленького, который только что вырвало прямо на него.

Он покачал головой, приказал слугам принести воду для купания, снял верхнюю одежду и, взяв Гу Ицзюэ на руки, сел с ним в ванну.

После простой очистки он перенёс Гу Ицзюэ на кровать.

Глядя на уже крепко спящего перед ним, в его глазах читалось счастье. Он протянул руку и мягко ущипнул его за нос.

Брови Гу Ицзюэ слегка нахмурились, он сморщил нос, а потом обнял Шаньюнь Чэня за талию руками.

Они счастливо обнялись.

...

В это время ещё двое отмечали Новый год вместе — Гу Ифэн и Цэнь У.

Из-за напряжённой ситуации на фронте Гу Ифэн всё это время находился в военном лагере.

Будучи офицером, отвечающим за подвоз продовольствия, завтра ему должно было сопровождать обоз на передовую.

Сегодня Новый год, поэтому он и Цэнь У сидели в палатке, приготовили много вина и закусок и пили вдвоём.

— Почему ты не идёшь домой в такой праздник? — первым заговорил Гу Ифэн.

Цэнь У посмотрел на него и мягко ответил:

— С детства меня воспитал учитель, теперь я покинул горы. В нашей секте есть правило: вышедшие ученики не могут вернуться в горы.

Услышав это, в сердце Гу Ифэна шевельнулось сочувствие. Он протянул руку и погладил его по голове:

— В будущем я буду встречать с тобой Новый год.

В глубине души Цэнь У, казалось, тронуло эти слова, его глаза загорелись, он кивнул:

— Хорошо.

Возможно, Цэнь У был тронут словами Гу Ифэна. За эти двадцать лет он впервые почувствовал такое тепло.

Чашу за чашей они пили вино. Гу Ифэн посмотрел на него и с недоумением спросил:

— Лекарь, у тебя есть какие-то переживания?

Цэнь У улыбнулся, посмотрел вдаль и медленно произнёс:

— Ты первый, кто сказал, что будет со мной всегда.

— ...Почему ты так говоришь? — в глубине души Гу Ифэна шевельнулось сочувствие, и он спросил.

<http://bllate.org/book/16439/1490218>